

ВСЕ ЕЩЕ ВИЖУ ТЕБЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

С Е Р Г Е Й П У З Ы Р Е В

Сергей Пузырев

Все еще вижу тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63618947

SelfPub; 2022

Аннотация

Жизнь блистательной Анны Павловой-Каргилл была похожа на сказку. Посудите сами: любящий муж, слава, поклонники, уважение коллег – актриса имела все, чтобы быть счастливой. Но была ли она таковой на самом деле? Быть может, было что-то, что годами глодало и отравляло ее? Что-то, сокрытое в далеком прошлом и не дающее уснуть по ночам? Некая тайна, способная убить? Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 1. НЕОБРАТИМОСТЬ	4
ГЛАВА 2. ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ	26
ГЛАВА 3. ПТИЦЫ	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Сергей Пузырев

Все еще вижу тебя

ГЛАВА 1. НЕОБРАТИМОСТЬ

Вспышка!

Чувства вернулись к ней только на лестнице. Беспмятство, вызванное бурлящим в крови адреналином, лопнуло, как мыльный пузырь. Молния, ворвавшаяся яркой вспышкой света в огромное и единственное окно лофта, ослепила ее, заставив на секунду замешкаться. Это какое-то безумие! Этого не может быть! Это не должно с ней происходить!

Испачканные кровью, *его* кровью, руки скользили по металлическим перилам, а дрожащие ноги путались и спотыкались на каждом сантиметре ровной поверхности. Одно неловкое движение, и она свернет себе шею. И ведь на ней еще нет туфель! Потому что одно из пары, кажется правое, она загнала ему в спину.

Гром ударил с такой силой, что дребезжали стекла в пресловутом залитом дождем окне. Этот грохот заставил ее сердце биться чаще. По телу пробежала дрожь. Боже, почему оно такое большое? Она оторвала руки от перил и закрыла уши. Гром – детский страх, сковывал холодными цепями. И как не вовремя! Ей нужно взять себя в руки! Этот удар

стихии ничего по сравнению с тем ударом, который он нанес ей... Нет, который она нанесла ему.

Глухой стук наверху заставил вздрогнуть, выведя из оцепенения. Нужно бежать. Он добрался до двери, а значит это лишь вопрос времени, когда снесет ее с петель. Но она не узнает, когда это случится. Ее здесь уже не будет. Ей больше не придется встречаться с ним. Она выживет. Должна выжить! Назло всем! Чего бы ей этого не стоило...

Главное выбраться из дома, позвать полицию и все, наконец, закончится. Этот страшный сон закончится!

Дрожащей рукой она закрыла рот, чтобы скрыть перевозный смех. В глазах все еще стояли слезы от боли обиды и страха. Из-за них она не заметила на одной из нижних ступенек своего красного вечернего платья, зацепилась за него босой ногой и кубарем слетела вниз, больно ударившись головой при приземлении. В этот момент она готова была поспорить, что искры, вылетевшие из глаз, были ярче молний.

Вспышка!

Грохот наверху оповещает о выбитой двери. А следом до нее донёсся звук шагов на втором этаже и рев разъяренного зверя. Поднявшись на ноги и шатаясь, она, не оборачиваясь, направилась к выходу из этого места. Места, в одночасье ставшее для нее девятым кругом ада. Но свобода близко. Она чувствовала ее запах, когда тянулась к латунной ручки белой, украшенной стеклянными ромбами входной двери. На секунду задержалась на своем искаженном кривом от-

ражение и, содрогаясь, повернула защелку замка, изо всех сил дернув дверь на себя.

Ворвавшийся ледяной ветер сбивал с ног. Ревущие звуки города вперемешку со звуками, вышедшей из-под контроля стихии, какофонией забивали уши. Она сделала уверенный шаг, и босые ноги тут же покрылись мурашками, стоило только погрузить их в холодную лужу, налитую возле дома. Но отступать некуда. Она свернула вправо. Там дорога, а значит и машины. После падения и удара головой в глазах все плывет. А из-за дождя почти ничего не видно. Ей пришлось идти, вытянув вперед руки, словно зомби из популярного сериала. Но это неважно. Важно найти помощь! Она повторяет это себе, нашептывая под нос, словно погруженная в транс месмеристка. И лишь резкий звук приводит ее в чувства. Что это? Автомобильный гудок. Неужели это конец? Она обернулась, затаив дыхание. В уши ворвался визг покрышек. Но все тщетно. Дорога слишком скользкая. Она слабо улыбнулась. Два ярких размытых шара света неслись прямо на нее.

– Стоп! Снято! – разносится над площадкой хрипловатый мужской голос и где-то наверху вспыхивает яркий свет, освещая всю съёмочную площадку.

«Наконец-то», – проносится у меня в голове.

Стихает дождь, замолкает гром, гаснут два прожектора, имитирующие свет фар, на площадку выбегают разного ро-

да помощники режиссеров, гримеров, операторов и прочий люд, с которыми, по правде сказать, я уже давно не желаю знаться.

– Аня, – обращается одновременно ко мне и в никуда режиссер. – Bravo!

Он говорит что-то еще, но я его не слышу. Лишь продолжаю смотреть на потухшие лампы прожекторов. Вода все еще льется по моему телу, затекает в уши, сбегает по спине, заставляя все тело покрываться мурашками. В этот момент я оцениваю то странное и неприятное чувство, которое одолевает меня, играя в этих декорациях. В чем же дело? Осматриваясь по сторонам, пробежалась по выстроенным декорациям на зеленом фоне, представляя, как будет выглядеть готовая картинка, и меня охватил страх. Что же это? Сюжет книги или давно забытой истории из реальной жизни? Я не могу унять дрожь, а потому стараюсь отвлечься.

– Даст актрисе кто-нибудь, наконец, полотенце?! – раздраженно и громко заявляю на всю площадку, все еще стоя посреди декорации дороги в одном нижнем белье. Какой стыд. – Эмма!

– Я здесь, – она уже тут как тут. Появилась из ниоткуда с белым махровым полотенцем и таким же халатом на перевес. Порой удивляюсь, как ей удается оставаться незамеченной. – Сделаем селфи для инстаграма?

Эмма – моя ассистентка. Милая, невысокая девушка, которая иногда забывает о личных границах, чем пугает в та-

кие моменты меня до чертиков. Но в целом я довольна ее работой.

– Спасибо, – я взяла у нее полотенце и хорошенько вытершись, обменяла его на халат. – В таком виде? – предложение сфотографироваться меня не впечатлило, поэтому я постаралась вложить максимум сомнения в эту фразу, показав таким образом, что это плохая идея.

– Вы выглядите прекрасно и свежо... – я заметила, как на долю секунды она осеклась. Бедняжка совсем не умеет лгать. Но она тут же добавила: – Как бы курьезно это не прозвучало в этом случае. Вы действительно в отличной форме.

– Для своего возраста? – получилось слишком лукаво, из-за чего мне тут же стало стыдно.

– Вы передергиваете, – как ни в чем ни бывало ответила Эмма.

– Ладно, – сдалась я, – давай. Но обещаю, что в подписи под постом напишешь что-нибудь хлесткое. Пускай Джоанна обзавидует, – я приобняла девушку и, наклонив голову, улыбнулась своей самой обезоруживающей улыбкой. – Я слышала, она очень хотела сыграть эту роль.

– Обязательно, – кивнула Эмма, несколько раз нажав на экран смартфона.

Наверное, с моей стороны неправильно подогревать гуляющие слухи о нашей вражде, но как говорит моя подруга – оскаронная художница по костюмам Коллин Бирн: «У каждой уважаемой актрисы должна быть своя Бетт Дей-

вис!¹». Полнейшая глупость, как по мне, но я ничего не сделала, чтобы развенчать миф о вражде с Джоанной Энистон. А мы ведь с ней даже лично не знакомы! Все, что нас с ней связывает – это древнее фото из разгульных девяностых, когда я умудрилась попасть в один кадр с одним из нее тогдашних ухажеров. Какой-то «фотограф из кустов» заснял, как мы выходим с ним из бара в обнимку. Фотография, помнится, наделала много шума, всколыхнув голливудскую общественность. Я комментариев не давала, потому что комментировать особо нечего: он проводил меня до такси и на этом все кончилось. Джоанна поначалу тоже хранила молчание и никак не комментировала ни меня, ни фотографию. Пока в одном интервью по случаю завершения популярного сериала «Растяпы», который и сделал ее звездой, у нее не спросили, что она думает по поводу молодой актрисы, чья игра в одном из последних фильмов была с восторгом принята критиками. Речь, разумеется, шла обо мне и фильме «Дикость» режиссера Пьетро Кордона, называвшего себя духовным восприемником Хичкока². Ответ Энистон прозвучал кратко: «Я ее не знаю»³. Пустячный ответ. Зато, шторм, что он всколых-

¹ Бетт Дейвис – американская актриса. Широкую известность получила их вражда с Джоан Кроуфорд, которая разгорелась во время съемок фильма «Что случилось с Бэби Джейн?».

² Речь об сэре Альфреде Хичкоке, американском и британском кинорежиссере, продюсере и сценаристе.

³ В действительности подобный ответ «I don't know her» прозвучал из уст Мэрайи Кери в отношении Дженнифер Лопес, из-за чего до сих пор ходят слухи

нул в прессе, не утих до сих пор!

– Итак, посмотрим, что же у нас вышло... – я забрала телефон из ее рук и замолкла, увидев фотографию. Ужас чистой воды. Я выглядела омерзительно: волосы, словно иголки дикобраза, торчат в разные стороны, неровные черные ручейки туши сбегают по щекам, в уголке губ запеклась бутафорская кровь, которая не оттерлась даже полотенцем.

– Вам не нравится? – оживилась Эмма, заметив замешательство, с которым я смотрела на фото. – Могу переснять.

– Нет, – отозвалась я, не отрывая глаз от фотографии. – Пускай остается. Я никогда не боялась показаться разной, – и, сделав паузу, отдала телефон помощнице. – Но не забудь о подписи.

– Разумеется.

– Чтобы я без тебя делала, верно? – выпуская из своих объятий, мне захотелось погладить ее по плечу.

Когда Эмма удалилась, закинув мокрое полотенце себе на плечо, уставившись в телефон, я направилась к режиссеру, который в этот самый момент что-то эмоционально обсуждал с обступившими его продюсерами и сценаристом. Увидев всю эту братию, я тяжело вздохнула, незаметно закатив глаза. И почему только бросила курить? Сейчас бы не отказалась от сигареты.

Оскар Бьёрнstrand – молодой, яркий и многообещающий шведский режиссер, прославившийся непревзойденны-

ми, острыми, как бритва, фильмами в жанре психологический триллер, обладающими неповторимой атмосферой и выворачивающими даже, казалось бы, скучных персонажей наизнанку к финалу картин. Голливудские мейджоры годами обивали порог его дома, пытаясь привлечь к своим проектам, но тот был непреклонен. Он хотел снимать свое кино, которое выходило за привычные рамки голливудской фабрики грез, а соглашаться на кабалу, где какой-нибудь имеющий лишь экономическое образование продюсер будет указывать ему что и как снимать, он не хотел. Казалось, ничего не могло заманить этого рыжего с буйной шевелюрой и россыпью веснушек на лице бунтаря на голливудские холмы. Пока, как это часто бывает, в эту историю не вмешался случай. А вернее скандал и один устроивший его злопамятный журналист. Когда-то тот журналист работал помощником одного из Больших Боссов одной крупной кинокомпании, но из-за какой-то неприятной истории, связанной с домогательствами, оказался на улице, обвиненный во всех смертных грехах с опозоренной репутацией и без должного парашюта. Честно сказать, я смутно помнила тот скандал, потому как моя карьера, набрав обороты, несла меня к зениту славы, и загруженный график не давал возможности вникать во все слухи и скандалы. Однако я помню, что многие утверждали, что настоящим виновником был Большой Босс, а не его помощник. Как бы там ни было, месть свершилась. Этот папарацци заснял своего бывшего босса в до-

рогушем отеле в обнимку с несовершеннолетней девушкой. Видео и фотографии той ночи облетели все новостные и не очень СМИ и имели эффект разорвавшейся бомбы. Девчонка изливала слезы с экранов телевизоров, заявляя о принуждении, а десятки других женщин (в большинстве своем актрис) вторили ей, наперебой кинувшись вспоминать о давних домогательствах Большого Босса. Скандал разрастался, словно снежный ком, и в конце концов камня на камне не оставил от репутации Большого Босса, да и от него самого. Все выглядело как подстава, но никому не было до этого дела. Нужно понимать, что на фоне движений за права женщин и меньшинств белый гетеросексуальный мужчина, обладающий властью и деньгами, словно красная тряпка для быка. Любой, даже самый незначительный проступок, будет увеличен во стократ. Несправедливо, но что поделать.

Не то, чтобы я жалела его, ББ действительно всегда был мерзавцем, но именно он когда-то привел меня в этот бизнес, а значит, подарил билет в ту жизнь, которой теперь живу. Он знал меня до того, как стала знаменитой.

Я больно ущипнула себя за руку, чтобы отогнать неприятные воспоминания. Бог с ним. Для истории он более не имел значения. В отличие от одной упорной женщины, что пришла ему на замену и начала перестраивать компанию по своему усмотрению. Первым делом она создала экспериментальный отдел, задачей которого было создание нового современного кино. «Никаких рамок! Только искусство!». Го-

ворят, именно такие слова она произнесла на встрече с работниками нового киноотдела. Второе, что сделала эта женщина, – отправилась в Швецию на переговоры с Оскаром. Она не пробыла у него в доме и часа, как он согласился снять для кинокомпании фильм. «Один фильм по моему выбору, а дальше будет видно», – единственное условие, что было выдвинуто в тот день.

И вот прошел почти год с тех событий, и Оскар действительно снимает *свой* фильм. «Все еще вижу тебя». За основу взята книга шведской писательницы, которая еще даже не вышла в печать, однако ей уже предвещают звание мирового бестселлера. Хотя сюжет не сказать, чтобы уникальный. Героиня неудачница с трудной судьбой потеряла память при странных обстоятельствах, а пытаясь разобраться в обстоятельствах случившегося, попутно вскрывает неприглядную правду о своем прошлом. Подобными книгами забита добрая половина рейтинга бестселлеров по версии Нью-Йорк Таймс. Но, по не ясным для меня причинам, как я слышала, права на экранизацию пытались перекупить. Дважды. Однако автор книги была непреклонна так же, как когда-то и сам Оскар. Она хотела, чтобы ее историю снял именно он. Вторым ее желанием было видеть в главных ролях меня – неподражаемую (ее слова) Анну Павлову-Каргилл, женщину, подошедшую к своему полувековому юбилею, которая все чаще стала задумываться бросить карьеру актрисы и, наконец, уделить время себе и своей семье. Некогда блистательная ки-

нозвезда, дива, не сходящая со страниц журналов, я стала реже мелькать на экранах, выбирая для себя лишь небольшие, но характерные роли. Я давно заработала себе на жизнь и могла позволить, наконец, остановиться. Уж слишком много лет бедная русская девочка-эмигрантка боролась за свое место под солнцем. И если бы не чертова гордыня, то отказалась бы и от этой роли.

За почти тридцатилетнюю карьеру мне посчастливилось сыграть несколько десятков ролей, которые принесли десять номинаций на Оскар. Десять! И ни одной победной... О, Боже, как я хотела его! Я безумно хотела обладать Оскаром. И только из-за этой своей маленькой блажи согласилась сыграть эту роль. Эту ненавистную чертову роль! Ну, зачем героине эти самокопания? Зачем ей нужны эти воспоминания? Кто в трезвом уме откажется от подобного дара? Забыть! Забвение – это великий дар. Хотела бы, и я им обладать...

– Парни, почему такие серьезные?

Мечты мечтами, но от реальности никуда не денешься.

Первым откликается Оскар:

– Все отлично! Вернее, было отлично, пока господин сраный (*Неужели он это сказал вслух?*) продюсер не решил вмешаться в наш творческий процесс.

– И ничего я не вмешиваюсь, – запротестовал мужчина в строгом черном деловом костюме, которого, кажется, зовут Билл, но я не очень в этом уверена.

– Но это Ваше решение устроить пересъемки, не отрицай-

те, – покрасневший от злости сценарист сложил руки на груди и теперь нервно шмыргал носом.

– Какие еще пересъемки? – тут настало время возмущаться мне. – Оскар, у нас была договоренность, ты помнишь?

Договоренность!

– Я помню, – он встал со своего кресла и, с жаром взяв меня за плечи, продолжил: – Ты поставила условие, и я его выполню. Твои сцены останутся не тронутыми. Я обещаю. Ты блистательно отыграла каждую секунду своего времени, каждый кадр с тобой – бесценен!

С какой искренностью он это сказал! С каким восхищением он посмотрел на меня! Если бы не годы, проведенные за обточкой актерского мастерства, я бы разрыдалась, услышав подобные слова. Но вместо слез, лишь мило улыбнулась, показывая, что все в порядке.

Действительно, это было мое условие. И моего мужа.

Джон Каргилл – глава Cargill Group, компании занимающейся производством продуктов питания, торговлей сырьем и даже оказанием финансовых услуг. Мы познакомились чуть более двадцати лет назад на какой-то богемной вечеринке в Беверли-Хиллз. Он старше меня на двенадцать лет, и уже был вдовцом на момент нашего знакомства. А я восходящей звездой малобюджетных фестивальных фильмов и матерью одиночкой по совместительству. Уверена, это была любовь с первого взгляда. Но могло ли быть иначе? Высокий, статный и обаятельный мужчина с глазами цвета уль-

трамарина сразу же украл мое сердце, заставляя покрываться мурашками от одного только взгляда. До него я и не знала, что такие чувства могут проснуться во мне. Мы сразу же нашли общий язык. Джон оказался умным, обходительным, добрым, щедрым и, что самое главное, он совсем не ревновал меня к профессии в отличие от предыдущих ухажеров. А еще он не тянул с предложением руки и сердца. А я не тянула с ответом. И пусть СМИ каждый год нас разводят, наш союз крепок и нерушим, как и двадцать лет назад. Именно поэтому он впервые настоял, чтобы в год моего юбилея и нашей годовщины мы отправились в повторное свадебное путешествие. Кругосветное. Я не могла отказать, поэтому и обговорила это заранее в контракте. Они снимают все мои сцены, и до окончания съемок я свободна, как ветер. К счастью, не смотря на одну из главных ролей, сцен с моим активным участием не так уж и много. Чаше моя героиня звучит за кадром. Но, если я правильно поняла, в этом-то и проблема.

В итоге, не желая больше слушать их препирательств, я удалилась в свою гримерку. А Оскар продолжил что-то говорить, доказывать свою точку зрения, пререкаться с продюсером, угрожать жалобами высшему руководству. Но это Голливуд, малыш. Как бы ни были сладки речи о свободе – ее тут нет, и никогда не было.

Закрывшись в гримерке, я свернулась калачиком на диване и около часа пролежала так, тупо вглядываясь в пустоту. Сцена, которую мы сняли сегодня, была для меня по-

следней. Момент, когда героиню сбивает машина, доснимут с девушкой-каскадером. Признаться, мне бы самой хотелось принять участие в этой сцене, но Руперт (мой агент) был против. Он сказал, что это слишком опасно, тем более героизм, проявленный актером на площадке, в зачет на Оскар не идет. Поэтому мне оставалось довольствоваться лишь сценической падением с лестницы. Хотя какое может быть падение с трех ступеней? Я в детстве падала с куда более больших высот. Но, признаюсь себе в этом честно, в моем возрасте даже при условии хорошей физической подготовки это далось нелегко.

В дверь робко постучали. Это была Эмма. Она передала мне слова Оскара. Режиссер остался доволен, полученным результатом и не стал задерживать меня на съемочной площадке. Чем я с радостью и воспользовалась. Однако, когда я собиралась сесть в свою машину, приведя себя в порядок, он подошел ко мне и, потупив взгляд, попросил оставаться на связи. Как и прежде мне пришлось лишь мило улыбнуться, скрыв растущее во мне раздражение, а затем, кивнув головой, я скрылась в полутьме тонированного седана.

Большую часть дороги до поместья семьи Каргилл я провела в молчаливом раздумье, вспоминая свою жизнь. Ненавистная роль-пустышка, какой она видится мне, каким-то невообразимым образом все же зацепила меня, задела за живое, вскрыв старые раны. Перед глазами промелькнули все знаковые события, в которых приходилось балансировать,

словно акробатке над пропастью. Прошлое осталось в прошлом, но были ли все содеянные мной поступки оправданными? Правильный ли делала выбор? Какая глупость. Эти мысли не вызывают ничего кроме усмешки. Возможно, Оскар был прав, и эта роль действительно станет для меня знаковой и победной. В ином же случае она станет последней.

Боже, как же я устала! Мне хочется тишины и покоя, будто бабке преклонного возраста! Вся моя жизнь была сопряжена с борьбой. Каждый вызов судьбы – сражение, из которого я не могла выйти проигравшей. И я побеждала. Всякий раз зубами вырывала победу, но теряла при этом частичку себя. Крошилась, как фарфоровая кукла под гнетом времени. Как итог, к своему юбилею подошла абсолютно разбитой. На миллион мелких осколков.

Мы были на полпути до дома, когда в зеркале заднего вида я заметила обеспокоенный взгляд молодого водителя. Симпатичный юноша работает у нас недавно, около полугода. Так получилось, что мне пришлось ему помочь. Не без корыстного интереса, разумеется. У меня есть некоторые надежды на то, что он заинтересует Алису, заставив ее задержаться дома. Но кого я обманываю. Мой терновый плод никогда на это не пойдет.

Чтобы отвлечься, я решила заговорить с ним:

– Ник, а ты ведь не знаком с моей дочерью Алисой?

Он отвел взгляд. Должно быть, почувствовал себя неловко.

– Нет, миссис Каргилл.

Каргилл. Мне больше нравилось быть Павловой. Меньше ответственность. После замужества я взяла фамилию мужа, а девичья осталась жить в виде псевдонима на постерах к фильмам.

– Что ж, у тебя, возможно, появится такая возможность, – подавив раздражение, я ответила, смотря в окно. – Если, конечно, моя непутевая дочурка соизволит поднять трубку телефона или ответить хоть на одно мое сообщение.

Хотя думаю, номер, на который я их выслала, ей уже не принадлежит.

И снова этот настороженный взгляд со смесью сочувствия и любопытства.

– А почему Вы спрашиваете?

– Мне кажется, вы могли бы найти с ней общий язык. Ты хороший парень, Николас. Кто-то вроде тебя способен спасти ее.

– Спасти от чего, мэм?

Я помедлила с ответом. У меня начинала болеть голова из-за чего, кажется, сболтнула лишнего. Вот дура!

– Нет, нет, нет. Не тот вопрос, Николас. Ни от чего, а от кого.

– И от кого же?

Я перевела свой взгляд и теперь смотрела в отражение глаз Ника в зеркале заднего вида:

– От самой себя. Разумеется.

И от одиночества. После смерти моих родителей, у нее кроме меня никого не осталось. А не стань меня...

Но эта мысль осталась невысказанной. Вместо этого я, молча, смотрела на него из темноты заднего сидения, ожидая его реакции. Мне хотелось знать выдержит ли он мой взгляд. К счастью Ник промолчал, переведя свое внимание на дорогу. Проявил учтивость. Все же, зря я завела этот разговор. Оставшуюся часть дороги пришлось провести в молчании, рассматривая проплывающую картинку за окном в ожидании знакомого пейзажа.

Машина сбавила ход, когда мы свернули на проселочную дорогу, уходящую вверх по холму. Забравшись на него, я, наконец, увидела, как из-за густых деревьев выплыли высокие квадратные сложенные из песчаника сторожевые башни поместья Каргилл-Холл.

– Вот мы и дома.

Слова сами слетели с моего языка. Сделали это тихо и безрадостно, полностью олицетворяя мои эмоции. Мне тут никогда не нравилось. Дом слишком большой, претенциозный и смахивает на декорации типичного дома богатой семьи из дневной мыльной оперы. Плюс я не была в нем хозяйкой. Это поместье принадлежало семье мужа несколько поколений, и я не могла претендовать на него. Да и не хотела. После свадьбы Джон подарил мне небольшой домик на восточном побережье, и именно он стал для меня тем самым ме-

стом, куда хочется возвращаться. Стал моим *Эрмитажем*⁴, где я смогла упокоить свои тайны, и где когда-нибудь упокоюсь сама. Но поскольку половине гостей, приглашенных на празднества в эти выходные, было удобнее добраться до Лос-Анджелеса, чем до Риджвуда, штат Коннектикут, я решила и в этом вопросе уступить мужу.

Николас остановил машину у главного входа и вышел, чтобы открыть для меня дверь. Мне не хотелось покидать салон автомобиля и вновь окунаться в мир чванливости, кой царил в этом унылом месте. Но могла ли поступить иначе? Скрепя сердце, я все же покинула свое уединенное место, выйдя оттуда, мило улыбнувшись, как и подобает хорошей жене. Окинула взглядом украшенный лентами по случаю празднества портик над главным входом в дом и заметила, как в окне на втором этаже дернулась занавеска. А вот и Жаклин. Как всегда, на своем посту. Пассивно-агрессивная старая сука.

У меня не сложились отношения со свекровью. Видит Бог, я старалась! Пыталась быть милой, не покушалась на деньги мужа и не пользовалась его авторитетом. Но ничего из этого не было оценено ею по заслугам. На данный момент положение дел таково: мы обе ненавидим друг друга. Терпеть не можем. Но к чести обеих никогда не показываем это посторонним. Мы ни разу не скандалили и не злословили

⁴ От французского hermitage – место уединения (небольшая полянка в парке, уединённое местечко в роше), уединённый павильон в парках или садах.

друг про друга. Просто делали вид, что не знакомы.

I don't know her.

Не желая с ней пересекаться, я постаралась не задерживаться в холле. В этом году конец октября выдался изматывающе жарким и душным. Недавно мне пришла в голову мысль о том, что слишком часто страдаю от мигрени, находясь в этой части страны. И думаю, что причина головных болей сокрыта именно в этом – в жаре. Сегодняшний день не был исключением, а за счет напряженного съемочного дня, голова буквально раскалывалась на части. Поэтому, не обращая никакого внимания на работников, занятых оформлением дома, я поднялась на второй этаж, где находилась наша с Джоном спальня, и, попросив прислугу не беспокоить меня до приезда мужа, уединилась там.

Через несколько часов Джон застал меня у напольного зеркала, возле которого я примеряла белое коктейльное платье. С напряженным выражением лица, я крутилась перед зеркалом, рассматривая свое отражение, и даже не заметила, как он прокрался в спальню. Несколько минут Джонни просто тихо стоял, облокотившись на дверной косяк, заморожено наблюдая за своей женой. Наконец, кашлянув, он привлек к себе мое внимание, заставив от неожиданности вздрогнуть, а после тихо засмеяться:

– Джон! И как давно ты подглядываешь за мной?

Муж подошел ко мне и, ласково обняв, тихо произнес:

– Вот уже двадцать прекрасных лет. И каждый день я бла-

годарю Бога за эту возможность, – его слова были наполнены все такой же нежностью, как и на заре нашего знакомства. От его близости по моей коже пробежали мурашки.

– Прекрати, – мне пришлось отстраниться от него, улыбувшись. – Если кто и должен быть благодарным, так это я.

– Что ж, с тобой трудно спорить, – с ухмылкой произнес Джон, а после поцеловал.

– Мерзавец, – засмеялась я в ответ. – Мог бы и возразить ради приличия! – вырвавшись из его объятий, повернулась спиной: – Лучше помоги мне расстегнуть платье.

– Так и думал, что ты не устоишь перед моим шармом, – отшутился он, бережно расстегнув замок. – Но мама еще не спит, стоит чуть-чуть подождать.

– Джон, – я с легким укором отмахнулась от него.

– Да шучу, я, шучу! – смеясь, Джонни занял кресло у зеркала и уже серьезнее спросил: – Как прошел твой день?

– Отлично, – не медлив с ответом, произнесла я, отойдя к открытому окну, чтобы видеть мужа, и развернулась, облокотившись на него спиной. Я знала, что Джона волнует конкретный вопрос, который он постеснялся высказать. Каким бы прожжённым и циничным дельцом он не был в бизнесе, в семейной жизни он оставался скромным простаком. – Съёмки для меня официально окончены. И если тебе вдруг интересно, я очень устала.

Джон сидел с серьезным видом и внимательно слушал, подмахивая головой.

– Что ж, – сложа на груди руки, ответил он, – я рад, что все так сложилось.

– И все? Просто рад?

– Ну... Нет, – Джон сделал паузу, словно что-то обдумывая. – Я очень рад! – он вскочил на ноги и вновь кинулся ко мне с объятиями. Хохоча, мы кружились по комнате, а потом повалились на кровать, словно юнцы, щекоча друг друга. Не знаю, чем бы закончилось дело, но раздавшийся телефонный звонок прервал нас.

Это мой телефон.

– Подай, пожалуйста, – попросила я его. – Он на туалетном столике.

– Сейчас, – отозвался Джон, встав с кровати. Он сделал несколько шагов. – Неизвестный номер. Любовник? – с коварной ухмылкой муж провел пальцем по экрану телефона и, поднеся его к лицу, максимально сурово ответил: – Джон Каргилл слушает.

Все это время я с улыбкой наблюдала за выражением лица своего мужа, которое сменилось от наполненного карикатурным коварством до растерянного.

– Все же это тебя, – он протянул мне телефон.

– Кто?

– Какой-то ребенок-фанат.

Пожав плечами, я взяла телефон и ответила:

– Алло?

Разговор не длился и трех минут. И на всем его протяжении

нии я не произнесла и слова. Просто стояла с мягкой улыбкой на лице и лишь иногда кивала головой. А когда человек на том конце отключился, какое-то время еще продолжала улыбаться. Как умалишенная.

– Все хорошо? – поинтересовался Джон. – Кто это был? Кто-то знакомый?

Но еще один телефонный звонок (на этот раз его телефона) заставил повиснуть в воздухе заданные вопросы.

– Извини, мне нужно ответить, – пояснил Джон и быстро вышел в коридор, столкнувшись в дверях с девушкой из нанятой прислуги.

Мне дико захотелось закурить. Спросила у девушки, не курит ли она, и та утвердительно кивнула головой. Я знала, что расстрою своим поступком Джона, но мой запас терпения был исчерпан.

Он снова вернулся в комнату спустя десять минут, весело напевая *Strangers in the Night* Синастры. Воздух внутри был наполнен сигаретным дымом, и Джону пришлось пересечь комнату, чтобы открыть приоткрытое окно настежь. Но стоило ему это сделать, как со двора в спальню беспардонно ворвался женский крик. Джон выглянул в окно, и его сердце, надеюсь, сжалось в тиски. Ведь там внизу, пронзенная пиками стального бордюра, раскинув руки, лежала я.

ГЛАВА 2. ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ

Полуденное солнце пробилось сквозь истертую полосатую шторку и, быстро проскользив по потемневшей от загара коже, нежно прикоснулось к ее лицу, оставив на нем яркий отпечаток. Не прошло и пары секунд, как, недовольно поморщившись, Алиса была вынуждена отвернуться от навязчивого незваного гостя, издав при этом стон, который приглушила подушка.

Она очень старалась вновь уснуть. Но бесполезно. Сон безвозвратно исчез.

Тяжело выдохнув, Алиса открыла глаза. Продолжая лежать плашмя на животе, девушка с трудом оторвала свою голову от пропахшей сигаретным дымом подушки, ведомая одним только желанием – понять, где же ее угораздило заснуть. Но голова предательски закружилась, налилась свинцом и тут же автоматически вернулась в начальное положение. Как оказалось, удерживать тяжелую, плывущую по волнам еще не отступившего алкогольного опьянения голову было для нее непосильной задачей.

Ее мучило от этих потуг. Идея перевернуться тоже оказалась неудачной. Она давно уяснила, что ей не стоит переворачивать голову на правую сторону пьяной. Та от этого начинает лишь сильнее кружиться. Алиса порывалась было погуглить, есть ли какое-то научное объяснение этому явле-

нию, но постоянно находила занятия поинтереснее. Не хотелось бы в этих поисках диагностировать у себя рак.

Девушка вновь закрыла глаза в надежде вздремнуть часок другой. Вопрос о месте пробуждения можно было временно отложить. Вариантов на самом деле у нее не много. Скорее всего, даже один. Судя по тому, что прямо сейчас она елозит по посеревшей от времени простыне нагишом – ночка выдалась крайне бурной. Уйти из бара с незнакомцем Алиса никогда себе не позволяла (это не в ее стиле), а, значит, удача улыбнулась кому-то из двух барменов. Но вряд ли это Рауль «Железная челюсть». Ей очень хотелось верить в то, что это не он.

И все же сон не возвращался. В комнате слишком душно. Тело стало липким от пота. Отравленный дьявольской смесью мозг нервно пульсировал под коркой ее черепа, отстукивая изнутри траурный марш по всем умершим этой ночью клеткам. Тишина сдавливала перепонки. Сколько же текилы она влила в себя вчера?

– Зараза, – раздраженно выругалась девушка, осознавая всю безысходность своего положения.

Ей все же придется встать.

Надеясь отдалить этот момент, как можно дальше, она вновь перевернула голову на левую сторону.

Солнце никуда не делось, но за счет собственных темных волос, которые после мотания головой обвили ее лицо, словно кокон, стало лучше. Да и голова немного успокоилась:

вертолеты, наконец, приземлились, и перестали тревожить ежика, которого она, судя по коликам в животе, проглотила.

«Ну, ничего. Стоит лишь вздремнуть пару часиков, и жизнь снова наладится!».

От этой мысли, Алиса расплылась в улыбке. Она практически чувствовала, как приятные мягкие волны сна начали медленно обволакивать ее. Чувствовала, как они, превращаясь в стальные путы, сковывали тело, готовые утянуть за собой в мир сновидений. Соппротивление бессмысленно. Тело расслабилось и обмякло. В голове стали всплывать размытые образы.

«Сон, милый сон», – эхом донесся до нее собственный внутренний голос.

Наверное, она бы даже все-таки уснула, если бы не скрип половицы, бестактно вырвавший ее на полпути по дороге в Царство Морфея. Тонкая иллюзия треснула и со звоном разлетелась на мелкие осколки, заставив Алису нервно вздрогнуть. Сердце требовательно застучало в груди.

«Я тут не одна?».

Глупый вопрос. Конечно, не одна. Ведь где-то здесь должен быть тот, с кем она провела недавнюю ночь. Очевидно, что это его квартира.

«Хоть бы не Рауль».

Девушка прислушалась, затаив дыхание, но не подавала вида, что проснулась. Алиса страшилась узнать правду. В комнате было все так же тихо. Однако, странное необъясни-

мое чувство, что она не одна, не отпускало ее. Девушка не смогла бы описать его, даже под пытками. Как можно объяснить чье-то молчаливое присутствие?

«Показалось?».

Не успела она подумать, тихо выдохнув, как услышала тихий звук похожий на шелест подола юбки (или платья?) со стороны изножья кровати.

«Кто-то только что прошелся там?».

Алиса напряглась. Куда она, черт подери, попала? Вновь прислушалась, но так же, как и прежде, ничего не услышала: ни звука шагов, ни дыхания – ничего, что могло бы сказать о присутствии в помещении другого человека.

«Это какая-то игра?».

Может ей показалось? Слуховые галлюцинации – распространённое явление. Тем более, в ее-то состоянии. Да даже, если и не показалось, думала девушка, возможно в доме того парня есть кто-то еще. Сестра, мать, бабушка, жена... Да Бог знает кто!

По влажной от пота коже пробежал холодок, ведя за собой орды мурашек. Сердце в груди забилося сильнее. Она была уверена – кто-то стоял возле нее. Бывало в детстве, увидев страшный сон, Алиса пряталась под одеялом, свернувшись калачиком. А сейчас даже простыни рядом нет. Она чувствовала себя абсолютно незащищенной.

Напряжение росло. И это сильно бесило.

Матрац в ногах слегка прогнулся.

«Кто-то сел на кровать?».

Если это розыгрыш, то очень глупый. Пора с ним покончить. Сжав челюсть, девушка открыла глаза и резко поднялась на руках.

Комната оказалась пустой в прямом и переносном смысле. Здесь не было ни людей, ни мебели, если не считать кровать, на которой лежала девушка, и узкого напольного зеркала в углу возле окна.

– Никого? – растерянно пробурчала Алиса себе под нос.

«Значит все-таки галлюцинации?».

С минуту она озадаченно озиралась по сторонам, пока не затекли ее руки, а тяжелая голова вновь не кинулась кружить хоровод. Силы покинули Алису, и та рухнула, уткнувшись лицом в подушку. Но почти сразу же подскочила вновь и уставилась в затянутое пылью зеркало, готовая спорить, что лишь на секунду, но заметила в нем отражение женщины.

Алису вновь бросило в жар. Уж слишком знакомым ей показалось бледное лицо в зеркале. Она обернулась: ни с другой стороны кровати, ни в узком дверном проеме, ведущем в остальную часть квартиры, никого не было.

«Показалось», – вновь промелькнула в голове мысль.

Конечно, показалось. Той, о ком она подумала, здесь быть не могло. Разве что...

Преодолевая головокружение и борясь с подступившей к горлу тошнотой, девушка скинула ноги с кровати. Задержав дыхание, закрыла глаза и досчитала до десяти. Ежик в живо-

те свернулся клубком, и, судя по ощущениям, намотал на себя кишки. Неудовлетворительно поморщившись, Алиса открыла глаза и аккуратно встала на ноги. Ее немного штурмило, но в целом опорно-двигательная функция находилась в норме. Пошатываясь, она обошла кровать и остановилась у зеркала. Прошедшая ночь отпечаталась на лице усталостью, но в остальном все осталось прежним: широкий лоб, густые черные изогнутые брови, карие глаза с мешки внизу, широкие скулы, узкий нос, такие же губы и массивная челюсть. Алиса несколько секунд всматривалась в него, а потом, раздраженно поморщившись, отвернулась. Ей никогда не нравилось собственное лицо. Слишком похожее на лицо той, что она увидела в зеркале ранее.

«Интересно, который час?».

Отойдя от зеркала, она заглянула за полосатую занавеску, от которой по комнате в лучах солнца разлетелось облако пыли. Оказалось, за ней пряталась деревянная дверь, ведущая на маленький балкончик. Мутное стекло открывало вид на узкую улицу, заставленную яркими разноцветными домишками. Кажется, Алиса проходила по ней однажды. Рядом располагался бар «La Calavera⁵», где она временно нашла себе приют.

Какой-то мальчишка, выходящий из дома напротив, заметил ее в окне и, громко засмеявшись, помахал рукой с зажатými в ней оранжевыми цветами. Алиса вяло помахала в от-

⁵ Череп (перевод с испанского).

вет. Вышедшая следом сурового вида женщина проследила за взглядом ребенка и тут же покраснела, надув щеки. Закрыв мальчугану глаза, она увела его в сторону. Медленно, но до девушки все же дошло, что причиной такой реакции стала ее обнаженная грудь, которой она, позабыв о приличиях, не постеснялась светить в окно.

– Стоит, пожалуй, накинуть на себя что-нибудь, – отойдя, произнесла девушка.

Она пробежалась глазами по комнате в надежде найти свою одежду, но той не было и следа. Видимо, раздевалась вчера Алиса не здесь.

«Что же делать?».

В голове появилась мысль обернуться в занавеску или простыню, но ситуация не являлась настолько критичной. Вряд ли Алиса сможет удивить своим нагим телом кого-то в этой квартире. Придя к такому выводу, она быстро пересекла комнату, прошла в дверной проем и оказалась в небольшом темном и обшарпанном коридоре. Слева от нее черной дырой зиял обрамленный белым наличником проход в душевую, совмещенную с туалетом. Краска местами облезла и теперь открывала почерневшую от времени фактуру дерева. Места внутри немного. Заглянуть внутрь она не решилась.

«Вряд ли бы она пряталась там. Вряд ли бы она вообще стала прятаться».

Девушка осторожно провела рукой по вздыбившейся краске и, отломав кусочек, пошла дальше. Справа распола-

галась размещенная в небольшом рукаве входная дверь. Она остановилась. Среди разбросанной на полу обуви, Алиса заметила свои стоптанные кроссовки. В памяти всплыли обрывочные воспоминания о прошедшей ночи.

«Уже что-то».

Где-то впереди скрипнула половица, и послышались звон стекла и чье-то причитание. Это привлекло ее внимание. Разломав в руках кусочек засохшей краски, девушка уверенным шагом двинулась дальше.

Коридор закончился, выведя ее в другую комнату, сопряженную с кухней. Просторное помещение с оранжевыми стенами, наполненное тусклым светом, разделялось двумя квадратными колоннами по середине. Вдоль длинной стены располагалось три вытянутых по форме окна, закрытыми с уличной стороны розовыми ставнями, сквозь прорези которых в комнату проникал солнечный свет. Мебели здесь так же не много: кухонный гарнитур, приютившийся в углу; обеденный стол с тремя стульями у стены; полупустой книжный стеллаж там же; серый диван между двух колон с таким же креслом; телевизор на тумбе рядом и комод у дальней стены. Возле него-то Алиса и заметила своего ночного приятеля. Тот стоял к ней спиной и не заметил ее появления. От сердца тут же отлегло. Никого другого в комнате не было. Да и мужчина, к ее нескрываемому счастью, оказался не Раулем.

«Анхель», – выдохнув, подумала она.

Все же, Алиса пока еще может полагаться на свои ин-

стинкты.

Анхель Роблес работал вторым барменом в Черепе. Ему двадцать четыре. Высокий и поджарый. С густыми черными волосами и бровями, смуглой кожей, раскосыми глазами, носом с горбинкой и ровными белыми зубами. Своими, а не железными, как у Рауля. В его жилах бурлила смесь из испанской, индейской, филиппинской и арабской крови. По его собственным словам. Еще недавно Алиса посмеялась бы над словом «бурлила». Оно не очень соответствовало образу застенчивого скромника, коим Анхель казался в обычной жизни. Но после проведенной с ним ночи, девушка изменила свое мнение на этот счет. И ведь он давно кидал на нее обжигающие взгляды. Вот только она все это время считала его слишком... маленьким что ли.

Недолго думая, Алиса направилась к парню, который, услышав ее шаги, отвлекся от возводимого им алтаря и через плечо посмотрел на нее.

– ¡Bonita!⁶ – расплылся он в обольстительной улыбке, которой, подумала девушка, должно быть, вскружил голову не одной девице. – Уже проснулась?

Анхель выпрямился и развернулся к ней лицом, расплываясь в улыбке. Синие короткие шорты слегка вздымались в области паха. Кажется, его совсем не смутила нагота Алисы. Даже наоборот. Он буквально сиял.

– Ага, – рассеяно ответила девушка, приметив на диване

⁶ Красотка (перевод с испанского).

свою черную футболку и синие джинсы.

«Вот значит, где все началось?».

– Слушай, – продолжила она, переведя на него взгляд, когда оказалась в метре от него, – а мы одни в квартире? Тут больше никого нет? – Алиса решила сразу перейти к делу.

Если до того момента Анхель и помышлял о продолжении ночных утех, то ее вопрос несколько охладил его. Восторженный вид парня сменился озадаченным. Нахмуренные густые брови стали похожи на крышу домика.

«Не понял вопроса? Или придумывает ложь?».

Анхель один из немногих ее мексиканских знакомых, кто хорошо говорил по-английски. Но даже ему иногда требовалось больше времени, чтобы понять, что она от него хочет.

– Нет, – наконец, ответил он. – Мы с тобой тут одни, – в его голосе послышалась нотка обиды. – С чего вдруг такой вопрос?

«Все же вопрос его смутил».

– Да, ерунда, в общем-то, – удовлетворенная ответом, Алиса подошла к дивану. – Просто показалось, что... А вообще, знаешь, – глазами девушка пыталась найти свои трусики, но беда в том, что она не помнила: были ли они на ней вчера. – Забудь! Не бери в голову.

Ей стоило держать свои мысли при себе. Скорее всего, все дело в ее текущем состоянии. Голова до сих пор не прояснилась, а в первые минуты после пробуждения вообще походила на котелок, наполненный кашей из воспоминаний и

сновидений. Поэтому тот образ, что она увидела в зеркале, – лишь игра воображения. Сокрытый в подсознании неразрешенный внутренний конфликт. Не более того.

«Не стоит напрягать Анхеля своими проблемами».

Алиса потянулась за джинсами, чтобы надеть их, когда в голове что-то щелкнуло, и ее повело в сторону. Она бы упала, если бы не Анхель, успевший подхватить сзади.

– *Mi alma*⁷, – взволновано спросил он, крепко обвив своими руками. – С тобой все хорошо?

– Да, – на выдохе ответила девушка.

Голова кружилась. По телу вновь пробежалась волна жара. Алисе не хватало воздуха. Она тяжело дышала, вдыхая аромат своего партнера. Запах апельсина, лаванды, шалфея и мяты отпечатывались на языке и стенках горла и проникали все глубже в нее, пока не вызвали собой рвотный рефлекс.

Успев прикрыть рот руками, девушка выскользнула из объятий ухажера и опрометью бросилась в душевую.

«Какой позор», – думала Алиса, сидя на диване в ожидании обещанного Анхелем кофе.

С момента того казуса прошло около пятнадцати минут. За это время она успела не только прочистить свой желудок, но и одеться. К ее стыду Анхель находился рядом с ней: он видел, как она блевала, прижавшись к покрытому желтыми разводами унитазу, и корчилась на полу, изливая горь-

⁷ Душа моя (перевод с испанского).

кие слезы от силы желудочных спазмов. После он помог ей встать. А когда она умылась, отвел в комнату и предложил сделать кофе по особому семейному рецепту. Со всей этой заботой Алиса чувствовала себя старой и немощной бабкой.

«Бесит», – подумала она, подперев голову рукой.

А ведь девушка не собиралась тут задерживаться. Еще одно правило, которому она следовала (по большей части) – не оставаться у случайных любовников на завтрак. С другой стороны, ей бы не помешало чем-нибудь подкрепиться и прийти в себя.

В комнате витал странный аромат, от которого ее продолжало подташнивать. Он навевал смутные воспоминания, но Алиса никак не могла вспомнить, где встречала его прежде. Желая найти источник этого запаха, она поднялась с дивана и прошла по комнате. Особенно сильно пахло у комода, на котором в окружении ярких оранжевых цветов стоял небольшой алтарь, сооруженный из нескольких фотографий и побрякушек в виде черепов. Крупные круглые махровые бутоны, казалось, излучали собой тусклый теплый свет. И почему она раньше не догадалась, что этот аромат принадлежит им?

«Как же они называются?».

В памяти всплыло давно забытое странное русское слово «бархатцы».

«Точно. Так называла их она».

Алиса не могла оторвать от них глаз. Цветы вздрагивали,

словно в танце, хотя сквозняку просто не откуда было взяться. Бутоны представлялись ей фонарями, наполненными каким-то абсолютно потусторонним светом. Они манили ее и затягивали, увеличиваясь в размерах и заполняя собой все открытое взору пространство. Запах дурманил голову, делал легкой, отгоняя стучащую боль.

– Вот, – раздался из-за спины голос Анхеля, вернувший ее к реальности, – твой кофе, Vonita.

От неожиданности Алиса вздрогнула. Ее словно бесцеремонно разбудили ото сна. По телу прокатилась волна раздражения.

– Пожалуйста, – продолжая смотреть на цветы, ответила девушка, – называй меня только по имени. Спасибо, – Алиса развернулась и взяла у парня кружку с кофе. – А то складывается впечатление, будто попала во второсортную слезливую теленовеллу, – закончила она и сразу же пожалела о сказанном.

– Хорошо, – озадаченно произнес Анхель.

– Прости, – мягче произнесла девушка, – я не должна была этого говорить. Это слишком грубо с моей стороны, – Алиса похлопала его по плечу, но вышло у нее неуклюже.

Вот поэтому она и не оставалась у своих любовников после секса. Утро после бурной ночи – ненужное дополнение, приносящее лишние сложности.

– Да ладно. Ерунда, – отозвался мексиканец, приобретая такое лицо, что Алисе стало вдвойне стыдно за свое поведе-

ние.

Неловкость росла, как снежный ком. Нужно срочно перевести разговор на нейтральную тему. Она сделала глоток горького кофе с нотками корицы и мяты, почувствовав, как по телу вместе с ним растеклась пряно-освежающая волна, постепенно приводящая в чувство.

– Это твоя семья? – Алиса перевела взгляд на несколько стоящих в деревянных рамках фотографий.

– Ага, – ответил Анхель, сложа руки на груди.

«Не хочет говорить об этом?» – сделав еще один глоток, подумала девушка.

– Я, кажется, помешала тебе...

Парень вопросительно посмотрел на нее.

– А, нет, – отмахнулся он, когда понял, о чем шла речь. – К тому моменту я уже закончил с алтарем. Просто расставлял цветы.

– Понятно, – ответила Алиса.

Разговор неуклонно шел на дно. Вряд ли стоило продолжать разговор про семью. Тогда, о чем?

– Кстати о них, – девушка постаралась выжать из себя максимальную непринужденность, тыкая в стоящие в вазах бархатцы. – Как они называются?

Услышав вопрос, парень немного оживился:

– Это, – он напряжено задумался. – Это... Flor de Muerto. Цветы мертвых. Наверное. Не знаю, как правильно будет сказать на английском.

– Flor de Muerto, – задумчиво повторила Алиса. – Им подходит.

Она сделала еще один глоток, но поняла, что кружка пуста. Девушка удивленно заглянула внутрь, чем рассмешила парня.

– Понравилось? – спросил он, ухмыляясь.

– Да, – смутилась она.

– Как ты себя чувствуешь теперь? – Анхель забрал у нее кружку и понес ее к раковине.

– Гораздо лучше, – Алиса последовала за ним. – Как ни странно. Слушай, – она собралась с мыслями, – то, что произошло между нами ночью, было...

– Сиюминутной слабостью? – закончил за нее парень, опуская кружку в раковину. – Да, – он, улыбаясь, развернулся к ней. – Не нужно мне это объяснять. Я давно уже не мальчик и все прекрасно понимаю.

– Это я заметила, – его ответ ошеломил Алису и немного обидел.

– Хотя солгал бы, если бы отказался это повторить, – все так же улыбаясь, добавил он.

– Это я тоже заметила, – усмехнулась девушка. – Значит, друзья? – она протянула ему руку.

– Ага, – Анхель протянул свою в ответ.

Они пожали друг другу руки, и парень силой притянул ее к себе, поцеловав.

Возмущенная таким нахальством, Алиса вырвалась из

объятий мексиканца, зло блеснув глазами.

– Это тебе за слезливую теленовеллу, – ответ тот, сдерживая смех.

– Дурак, – огрызнулась девушка, на что парень лишь пожал плечами, отвернувшись, чтобы помыть кружку.

– Кстати, – подал голос Анхель, – твой телефон несколько раз звонил, пока ты спала.

– Где он?

– Посмотри на книжном стеллаже, – бармен выключил воду и развернулся к ней лицом.

Алиса быстро пересекла комнату, остановившись возле стеллажа. Как и сказал Анхель, ее телефон мирно покоился на книжной полке возле стопки комиксов о Лиге справедливости. Девушка разблокировала телефон. Вспыхнувший экран оповестил о пяти пропущенных звонках и одном смс «Перезвони мне. Это срочно!». Несколько секунд она молча смотрела на сообщение, затаив дыхание.

– Что-то важное? – Анхель медленно приближался к ней.

– Нет, – Алиса резким движением смахнула информацию с экрана смартфона, вновь заблокировав экран.

– Ты не умеешь лгать, – парень спиной оперся на край обеденного стола, сложив руки. – Вид у тебя такой, словно узнала о приближающемся конце света.

– Может быть, так и есть, – грустно улыбнулась девушка, пряча телефон в карман своих джинсов. – В любом случае, ты об этом никогда не узнаешь. Спасибо за кофе, но, думаю,

мне пора.

– Жаль, – Анхель пожал плечами. – Давай хоть обнимемся на прощание, – он подался вперед, расправив свои руки, но Алиса ловко увернулась от его объятий.

Ей не было дела до дурацких мальчишеских шалостей. Настроение итак безнадежно испорчено.

– Обойдешься, – произнесла она и направилась к выходу.

– Слушай, – парень бросился за ней. – Сегодня большой праздник. День Мертвых. Ну, ты знаешь.

– Ага, слышала что-то такое, – Алиса говорила тихо и безразлично, словно очень устала.

– Так вот, – продолжил Анхель, – может быть, сходим куда-нибудь перед сменой в баре? Вечером начнется парад Катрины. Это ведь твой первый День Мертвых? Тебе стоит его увидеть.

Алиса, успевшая дойти до входной двери, молчаливо натягивала кроссовки на голые ноги. Она специально медлила с ответом. С одной стороны, Анхеля стоило проучить за проявленную наглость. Он слишком легко воспринял слова о ничего не значащей ночи. С другой же стороны, испорченное звонками настроение нужно было как-то исправлять.

– Посмотрим, – наконец, ответила девушка, выпрямившись. – Я кое-что планировала на сегодня.

– Ты так и сказала ему?

– Это единственно, что пришло мне в тот момент в голо-

ву, – Алиса вилкой оторвала кусочек от яичницы, положила его на хрустящий бекон, и, проткнув их вилкой, закинула себе в рот. – Боже, Ирма! – расплылась она в блаженной улыбке. – Ты – невозможная кулинарная волшебница!

Та сидела рядом с ней за барной стойкой и, подперев голову рукой, внимательно слушала рассказ о проведенной ночи. Но Алисе не очень хотелось продолжать разговор об Анхеле, поэтому она постаралась перевести тему.

– Да, брось, милая, – усмехнувшись, отмахнулась от нее женщина, еще сильнее облокотившись на столик, за которым они сидели. – Ты единственная, кто так считает.

– И, тем не менее, – девушка положила себе в рот еще один кусочек мяса, – Череп держится только на твоей стряпне, – пережевывая, произнесла она, направив при этом вилку в сторону Ирмы.

– Тс! Только не говори это Мигелю, – с улыбкой, скорчив озабоченную гримасу, прошептала женщина.

– Хорошо, – максимально серьезно ответила Алиса, после чего не сумела сдержать смех.

Она вернулась в La Calavera около двух часов назад. Путь от жилища Анхеля занял у нее около получаса. И это при условии, что она совсем не спешила. Алисе хотелось подумать. У нее скопились вопросы, вызванные «внутренними противоречиями». Наверное, так бы ее бывшая психотерапевт назвала те эмоции, что сейчас клокотали в ее душе. Образ женщины, увиденный в зеркале, никак не выходил из го-

ловы. Если бы еще не было этих звонков и смс. Алиса так долго притворялась, что не имеет к ней никакого отношения, но видимо зря. Их связь куда сильнее времени.

«Перезвони мне. Это срочно!».

Ей казалось, что это сообщение черными чернилами отпечатались на сетчатках ее глаз. Куда бы она ни посмотрела – везде видела эти слова. Несколько раз Алиса тянулась к телефону, чтобы так и сделать. Перезвонить. Но каждый раз останавливалась.

Обуреваемая сомнениями и мыслями, она так и не заметила, как оказалась в дверях Черепа и почти сразу же в объятиях Ирмы Марин, пышнотелой блондинки-хозяйки. Та видела, как прошлым вечером Алиса покидала ее заведение с Анхелем и теперь ей требовались подробности. Девушка испытывала особую благодарность в отношении Ирмы, а потому не смогла ей отказать. Пусть и очень хотелось. Единственное, что она попросила взамен, – это время, чтобы принять душ и привести себя в порядок.

Алиса не очень-то верила в чудеса. За все двадцать восемь лет ее жизни с ней происходило многое, но вот чудес в этом списке она не припомнит. Наверное, потому что их попросту не было. До недавнего времени.

Прошло чуть больше года, как Алиса начала бежать от своего прошлого, от своей семьи, от самой себя. Она сбегала и раньше, но именно этот побег оказался пока самым продолжительным. В какой-то момент ей даже показалось буд-

то это, наконец, удалось. Ее телефон затих. Она считала, что скрылась с радаров бесконечного надзора. Пока не настал сегодняшний день.

Ее буквально бил озноб от растекавшейся по телу обиды. Ведь этот путь не стал для нее дорогой из желтого кирпича. Или стал? Как и героине сказки, прежде, чем оказаться в Мексике, ей пришлось преодолеть длинный и тернистый путь: сменить несколько стран, и несколько профессий. И зачастую выбор – вынужденный и не то чтобы разнообразный. Да и, жизнь в Мексике, не сразу наладилась. Какое-то время Алисе приходилось перебиваться случайными заработками и ночлежками, пока не произошло то самое чудо, и она не повстречала Ирму Марин.

Тот день не заладился с самого утра. Первой пришла новость о немедленном выселении. Хозяйка, у которой она снимала комнатку, решила приютить у себя «бедного дальнего родственника из глубинки», а потому места для Алисы в ее доме больше не было. И пусть цена для этой халабуды была неприлично завышенной, новость оказалась неприятным сюрпризом. Но что она могла поделать? Тем более, когда увидела того самого «дальнего родственника» и взгляд хозяйки, которым она смотрела на него. В самую пору, было подтирать за ней полы. Вряд ли Алиса смогла бы как-то перебить его цену. Сжигаемой от злости, ей пришлось повиноваться решению хозяйки квартиры. Выбирать

не приходилось.

Уже тогда внутренняя чуйка подсказывала девушке, что на этом ее заключения не закончатся.

И она оказалась права.

Перед обедом Алису поджидало увольнение. Почему-то именно в тот день хозяин бара (с виду благочестивый семьянин), в который Алиса устроилась по приезду в страну, решил распустить свои руки. Странно ведь, да? Поймал ее в тесной кладовке, прижав своим выпирающим пузом к стене, и стал томно нашептывать какие-то мерзости, пытаясь ухватить Алису за бедра. Но к его большому несчастью, рука девушки оказалась критически близко к стеклянной банке с маринованными огурцами, коей она поспешила воспользоваться в целях защиты. Хозяин остался жив, но заработал себе на голове шишку размером с приличный апельсин.

Так закончилась первая половина того дня.

Оставшись без крова, работы и денег, Алиса бродила по городу, размышляя о своей жизни и о том, что делать дальше. Несколько раз (как и сегодня) она хваталась за телефон, но так и не сделала ни одного звонка. Ей было трудно осмелиться и признать свое поражение. Ее побег не удался. Впрочем, как и в прошлые разы. Именно тогда Алиса особенно сильно нуждалась в чуде (о чем мысленно молилась всем высшим силам) и (о чудо!) оно произошло.

Разочарованная собой, уставшая и голодная, она нашла приют под раскидистым деревом возле небольшой церквуш-

ки, примостившейся у старой рыночной площади. Ей нравилось это место. Вечерами здесь было особенно красиво и уютно.

День подходил к концу. У нее оставалось так мало времени. Она хотела сполна насладиться последними часами своей свободы. Решение было принято. Алиса вернется домой. Опять. Но только после того, как сядет солнце. Так она сможет выиграть день в свою пользу.

Алиса сидела, привалившись к дереву, наблюдала, как заходит солнце, и не заметила, как задремала. Вот тогда и произошло то самое чудо. Она встретила Ирму. Хотя, если точнее, это Ирма нашла ее спящей под деревом. Вместе с соседками та возвращалась домой после вечерней молитвы, и даже сначала не заметила Алису. Как позже она сама скажет: «Все уже привыкли, что под тем деревом кто-нибудь да спит». Но по какой-то причине Ирма Марин остановилась. Словно что-то потребовало ее внимания. Она обернулась и посмотрела на дерево, а после на ту, кто спал под ним.

– ¡Perdóneme!⁸ – Ирма говорила тихо, чувствуя неловкость от своего вмешательства. Но даже так Алиса запомнила, что ее голос уже тогда был наполнен нежностью и заботой. – ¿Necesitas ayuda?⁹

– Извините, – вяло ответила девушка, судорожно пытаюсь понять, где она находится, и что от нее хотят. – Я плохо го-

⁸ Извините (перевод с испанского).

⁹ Вам нужна помощь? (перевод с испанского).

ворю по-испански.

– Не беда, ведь я неплохо говорю по-английски, – Ирма улыбнулась какой-то особенно мягкой улыбкой. – Я хотела узнать, могу ли Вам чем-то помочь?

Алиса уловила легкий акцент, но не сразу его распознала. Она была сбита с толку. С пробуждением к ней вернулись воспоминания о сегодняшнем дне и грустные мысли о собственной никчемности, от чего на душе стало только хуже.

– Спасибо за беспокойство, но вряд ли Вы можете предложить мне работу и крышу над головой. А только это мне сейчас и необходимо.

Ирма удивленно посмотрела на нее, подумала о чем-то и все с той же улыбкой ответила:

– Вообще-то, могу.

Тем же вечером Алиса заселилась в светлую комнату над баром «La Calavera», а утром следующего дня вышла на работу официанткой там же.

– А я не помешаю Вам? – это был единственный вопрос, который Алиса задала Ирме на пороге их жилища. Она еще помнила события первой половины дня.

– О Боже, нет! – воскликнула Ирма.

Она казалась искренней. Ей хотелось верить, и Алиса поверила. Как оказалось, не зря.

Ирма и Мигель Марин оказались очень милыми и радушными людьми. Хохотушке Ирме было чуть более сорока, замкнутому с виду Мигелю на десять лет больше. Она имела

немецкие корни. Он был коренным мексиканцем.

Ирма провела свое детство в Штутгарте. Там же окончила университет (факультет архитектуры и градостроительства). После выпуска путешествовала по Европе. Какое-то время жила в Мадриде, где и повстречала Мигеля, который в то время гостил у своих друзей. Между ними проскочила искра. Да такая, что спустя две недели знакомства она улете- ла с ним в Мексику. А еще через пару месяцев они сыграли свадьбу. Ирма забросила архитектуру и посвятила себя до- му, детям и семейному бизнесу. С тех пор прошло четырнад- цать счастливых лет.

– Я не заметила, как выросли мои дети. Как превратились из милых малышей в колючих подростков и перестали счита- ться со мной, – смеясь, объясняла она свой поступок. – Если честно, я очень надеялась, что ты согласишься на мою помощь. Мне просто-напросто не с кем было поговорить!

И с тех пор они говорили всякий раз, как могли выкроить свободную минутку. Говорили много и обо всем.

Ну, почти обо всем.

Все же Алиса не спешила делиться своим прошлым даже с такими милыми людьми, поэтому на вопросы касательно одного отвечала общими фразами: «Выросла в Америке, но в семье эмигрантов», «Родственников нет», «Путешествую, потому что хочу посмотреть мир». Примерно так.

– Если хочешь, мы можем дать тебе сегодня выходной, –

голос Ирмы, вернул Алису к реальности.

С трудом проглотив пережеванное, она перевела свой взгляд на сияющее лицо женщины.

– Зачем мне этого хотеть? – Алиса отложила приборы и потянулась за салфеткой.

– Мы и Анхеля можем отпустить. Думаю, Мигель не должен быть против.

«Вот к чему она клонит».

Скомкав салфетку и бросив ее на тарелку, девушка улыбнулась:

– Спасибо, но не нужно этих жертв.

– Да брось, – отмахнулась Ирма. – Какие тут жертвы?! Я просто хочу, чтобы ты смогла насладиться этим вечером, – женщина протянула руку через стол и положила ее на руку Алисы.

«А потом ты насладишься моим рассказом».

– В компании Анхеля, – лукаво закончила за нее девушка, положив свою руку поверх ее.

– Почему бы и нет? Знаешь, это хорошая идея. Погуляете вместе. Посмотрите карнавал. Он ведь хороший парень, – Ирма искренне пыталась разыграть блаженную наивность.

– И ты совершенно не пытаешься меня свести с ним?

– Конечно нет! – театрально возмутилась Ирма, вскинув руки, но тут же добавила с хитрым прищуром: – Разве что чуть-чуть.

Алиса закатила глаза.

– К тому же, – строго продолжала женщина, спрыгнув с барного стула, на котором сидела, – мне и делать ничего не надо. Он справится сам. Ночью же справился.

– Ирма! – очередь на театральное возмущение перешла к Алисе.

– Что? – женщина сделала паузу, во время которой встала и забрала грязную тарелку. – Обещай, что подумаешь. Я же вижу, что он тебе нравится. Так, зачем тогда отталкиваешь? – Ирма пожалала плечами и скрылась в проходе у барной стойки, ведущем на кухню, оставив Алису наедине со своими мыслями.

«Зачем тогда отталкиваешь?».

Это глупо, но Алиса и сама не знала ответ на этот вопрос. Наверное, она просто привыкла к этому. Привыкла отталкивать тех, кто ей нравится.

И не странно ли это? Алиса так сильно стремится сбежать от своей прошлой жизни, но при этом боится начать новую.

«Может Ирма права, и мне стоит дать Анхелю шанс?» – думала она, уставившись в зеркальную стену напротив, заставленную бутылками, в которых отражался теплый свет декорированных ламп.

Со слов Мигеля каждая бутылка в коллекции, которую начал собирать по всему свету еще его отец, была уникальна и прошла тщательный отбор прежде, чем попасть на стену. И судя по всему это было правдой. Во всяком случае, с того момента, как девушка поселилась в Черепе, ей так и не уда-

лось найти похожих не только по форме, но и оформлению. Не то чтобы, она ставила перед собой такую цель. Просто ей это нравилось: рассматривать бутылки на стене. Это занятие умиротворяло, отвлекало от лишних мыслей, позволяя сконцентрироваться на действительно важных.

Вот и сейчас ее взгляд как прежде скользил по разномастным этикеткам от черно-белых вроде средневековых гравюр до цветных и ярких, словно рисунок ребенка, пока не заметил в отражении темного стекла бутылок размытый бледный силуэт.

Кто-то стоял позади нее.

Девушка прищурилась, чтобы разглядеть силуэт. Как она и предполагала, это была женщина.

«Попалась!».

Сжав от злости зубы, Алиса резко развернулась, но, к своему замешательству, никого за своей спиной не обнаружила. По спине пробежал неприятный холодок.

«Снова показалось?».

Девушка обвела взглядом зал. Прислушалась, затаив дыхание. Но услышала лишь, как в груди билось сердце. Все же кроме нее здесь никого не было.

Обернувшись, она еще раз всмотрелась в стену из бутылок. Но не смогла найти то место, где увидела знакомый силуэт.

«Должно быть, все дело в игре света. Или...».

Алиса покинула свое место, решив пройтись по залу.

«И все-таки это странно».

Она вновь испытала то странно чувство чужого присутствия. Алиса явно ощутила чей-то тяжелый взгляд на себе. Дважды за день. И если с утра это можно было списать на нахождение алкоголя в крови, то сейчас-то девушка была вполне себе в норме.

Алиса прошла между столов и остановилась, как только уловила слабый цветочный аромат.

По коже девушки пробежали мурашки.

Она узнала этот запах. Точно так же пахло в квартире Анхеля. Так пахли бархатцы.

Flor de Muerto.

Скрип двери за спиной заставил ее вздрогнуть и подпрыгнуть на месте.

– Черт, Ирма!

Алиса тяжело выдохнула и оперлась на стоящий рядом столик, чтобы не упасть. Страх, сковавший тело буквально на секунду, отступил, забрав с собой все ее силы.

– Алисита? – Ирма выглядела испуганной. – С тобой все хорошо?

– Да. Извини, если напугала тебя, – девушка постаралась улыбнуться, понимая, что, должно быть, выглядит безумной.

Ирма прошла вперед.

– Точно? Выглядишь так, словно только что повидалась с самой Мадам Катриной¹⁰.

¹⁰ Символ мексиканского Дня мертвых. Катрина – это богато одетая женщи-

Алиса нервно усмехнулась.

«Можно сказать и так».

– Нет, что ты! Просто..., – Алиса сделала паузу. Ее внимание вновь привлекла стена из сотен бутылок. Руки все еще била мелкая дрожь. «Это же надо было так себя накрыть?». – Просто задумалась и забыла, что я здесь не одна.

– Хм, – хозяйка скептически вскинула правую бровь, а после ехидно улыбнулась: – И что ты решила?

Девушка замялась. Она не поняла, о чем идет речь. Видя ее замешательство, которое было воспринято за нежелание отвечать, Ирма сама навела на нужный ответ:

– Ты дашь Анхелито шанс?

«Вот она о чем».

Все же Ирма оставалась Ирмой. Пусть непосредственность, с которой она порой бесцеремонно влезала в чужую жизнь, и действовала Алисе на нервы, сейчас постоянство и незыблемость этой женщины успокаивали, отгоняя дурные мысли о прошлом и напоминая о настоящем.

– Да, – выпрямляясь, ответила девушка. – Я дам Анхелю шанс.

«Во всяком случае, это как минимум поможет мне отвлечься».

на-скелет, символизирующая неизбежность смерти вне зависимости от личного благосостояния. Считается, что прообразом Катрины в некотором роде является Миктлансиуатль – богиня смерти ацтеков.

Алиса сидела в числе среди других зрителей на веранде кафе, увешанной белыми пластмассовыми черепами и бумажными гирляндами в виде цветов и флажков, и, потягивая коктейль, наблюдала, как в нескольких метрах от нее, пританцовывая под динамичные ритмы барабанов и звуки всех возможных духовых, проходила праздничная процессия – яркая причудливая смесь из цветочных платформ в виде скелетов и людей: женщин независимо от возраста одетых в нарядные цветастые платья и невообразимые шляпки и мужчин в костюмах самых разных расцветок.

И все они, как один, с черепами вместо лиц.

– Держи, это тебе, – сказал Анхель, когда, встречая ее у выхода из Черепа, протянул ей черно-белую маску в виде черепа и ободок, усыпанный искусственными бутонами цветов.

Сам он уже был при полном параде: черные волосы уложены назад, на лице разноцветный узор, его костюм переливался на свету, словно сотканный из перьев попугаев, а на голове, примостившись набекрень, сидел черный котелок с теми самыми перьями. Анхель буквально сиял от радости, постоянно улыбался своей обворожительной улыбкой и все ждал, когда девушка заберет протянутую маску.

Чего Алиса долго не решалась сделать. Ведь к тому моменту, когда Анхель приехал за ней, она успела несколько раз пожалеть о своем решении. И все из-за Ирмы, которая в ультимативной форме заявила, что поможет ей подобрать «правильный» наряд. На эти поиски ушло около двух часов,

но результат в конце был не ближе к завершению, чем он был в начале. А все, потому что ни одно из платьев, одолженных у соседок, по мнению Ирмы, в должной мере не подчеркивало природную красоту тела Алисы. Примерка платьев все повторялась и повторялась. Некоторые из них, Алисе приходилось примерять несколько раз. И каждый раз это было «не то». В итоге, все закончилось тем, что Алиса выбрала наименее яркое (черное) и самое простое платье, а Ирма расстроилась, что из-за собственной полноты не смогла подобрать ей ничего из своего гардероба, и теперь вечер будет безнадежно испорчен. У кого он будет испорчен, Ирма при этом не уточнила. Хотя уточнений и не требовалось: Алиса и так была на взводе. А потом пришел нарядный Анхель и принес дурацкую маску, о которой никто не просил. Алиса смотрела на нее и желала лишь одного: спрятаться в своей комнате и никуда не ходить.

«Неужели праздники почитания умерших, могут быть такими утомительными?» – думала про себя девушка, глядя на протянутый подарок.

Она понимала, что ее молчание затянулось, и нужно было дать какой-то ответ. Что-то сказать. Как-то отреагировать. И она отреагировала: протянула свою руку и, пытаясь улыбнуться, ответила:

– Спасибо.

«В конце концов, так принято».

Кто Алиса такая, чтобы спорить о том, как следует встре-

чать чужой праздник? Вот она и не спорила. Теперь эта маска лежала перед ней на столе и призывно наблюдала своими пустыми глазницами за тем, как она наслаждается своим коктейлем.

«Даже не проси. Все равно не получишь».

Алиса сняла маску со стола и положила к себе на колени. Так она хотя бы не будет ее видеть.

В целом, Алиса была довольна. Возможно, так на ней сказывался выпитый алкоголь, но она была счастлива, и это устраивало ее. Теперь, сидя на веранде кафе, девушка даже жалела, что отказалась от выходного. Вечер начался славно, и ей хотелось его продолжить.

«Обещаю, что доставлю Золушку к полуночи!». Эти слова крикнул Анхель на прощанье Ирме, когда забрал Алису с собой.

«Но, быть может, он солгал?».

Алисе хотелось бы, чтобы солгал.

– О чем задумалась? – появившийся с новой порцией выпивки Анхель прервал ее размышления.

Он поставил стаканы на стол и занял свободное место рядом с ней.

– Да так, – Алиса отставила пустой стакан в сторону и подтянула к себе тот, что принес парень. – Рада, что не осталась сегодня дома. – Она потянулась к трубочке и, сделав глоток, поморщилась. – В нем нет алкоголя?!

Мексиканец лишь усмехнулся в ответ, отчего узор на его

лице приобрел пугающий вид.

– Разумеется. Это обычный сок. Я обещал Ирме, что верну тебя в целости и сохранности, – мягко произнес он, склонившись к ее шее. – Да и Мигель не слишком-то обрадуется, если его официантка не сможет стоять на ногах.

«И все-таки он сказал правду».

Алиса недовольно цокнула и отставила стакан с соком подалеже от себя.

– И сколько у меня осталось времени, прежде чем карета превратится в тыкву, а прекрасный принц в мышь?

– Язви сколько хочешь, нужное я услышал, – мексиканец придвинулся ближе, оказавшись лишь в паре сантиметров от нее, и шепотом произнес: – Прекрасный принц, значит?

Его теплое дыхание достигло ее кожи, вызвав волну мурашек и жар в груди, чем заставило Алису смутиться своей реакцией.

– Но, – Анхель вновь отодвинулся, откинувшись на спинку стула, – что касается твоего вопроса, то у нас осталось около двух часов до открытия Черепа. Ну, так чем хочешь занять это время? – лукаво спросил он, улыбнувшись.

Алиса улыбнулась в ответ. Она поняла его намек, и в любой другой ситуации бы согласилась. Но вот беда, ей совершенно не хотелось идти у него на поводу.

– Пожалуй, посмотрю еще немного на парад.

Тем временем людей на улице стало больше в разы. Относительно спокойный поток стал похож на бурную горную

реку. Звуки музыки стали громче, но потеряли свою стройность, а ставшие ярче краски утратили четкость, слившись с распыленным цветным дымом и превратившись в цветастое месиво.

Алиса смотрела на простирающуюся перед ней картину и ей становилось не по себе. Все это обилие черепов вокруг нее, вновь вернули ее к мыслям о сегодняшних видениях. Ей то и дело казалось, что она вот-вот снова увидит ту, кого бы видеть не желала. Страх, прятавшийся все это время на дне души, вновь поднял голову и протянул свои руки. Она чувствовала, что он хотел выбраться, уцепиться за ее сердце и больше никогда не отпустить.

– Такое иногда бывает, – голос Анхеля вернул ее к реальности, – когда несколько спонтанных групп сливаются в одну.

Алиса вопросительно посмотрела на него.

– Я про парад, – пояснил он. – Ты выглядишь напуганной. А мне бы не хотелось, чтобы у тебя сложилось впечатление о нас, как о дикарях. Думаю, стоит прояснить – у него нет какого-то единого сценария. Это все разрозненные группы со своими маршрутами. Сейчас они слились воедино, и ты видела, что из этого вышло, – скептически добавил Анхель, вскинув брови. – Но, как я и сказал, такое иногда бывает. У каждого свой путь на кладбище, – максимально деловито закончил он.

– Вот уж точно, – несколько отстраненно ответила девуш-

ка, глядя за спину парню.

– Нет, я в прямом смысле. После парада они все пойдут отмечать El Día de Muertos на кладбище. Там конечная точка их маршрута. Алисита, ты еще со мной? – Анхель щелкнул перед ее лицом пальцами и та, вздрогнув, посмотрела на него.

– А знаешь, я передумала. Пойдем, потанцуем?

Быстрым движением, она надела маску, схватила Анхеля за руку и потащила к ближайшему выходу.

– Присоединимся к параду? – задала она вопрос, на который не ждала ответа.

Конечно, они присоединятся к параду. Иначе, как еще им затеряться в толпе, чтобы скрыться от человека, который долго и упорно, все время их нахождения на веранде, пялился только на нее?

Она заметила его чуть раньше. В тот момент Анхель как раз отошел, чтобы принести им выпить, а Алисе вдруг вздумалось проводить его взглядом. Тогда-то она и заметила того – крепкого телосложения мужчину в черном костюме и такого же цвета маской на лице. Он стоял в глубине зала и разговаривал с кем-то по телефону. Девушка не видела его лица, но готова была поспорить, что смотрел он в тот момент на нее. И дело вовсе не в раздутом эгоцентризме. Нет, ей меньше всего хотелось привлечь к себе внимания. Но в тот момент Алисе показалось, что этот человек узнал ее. На секунду в голове всплыли сообщение и пропущенные звонки

из телефона, а вместе с ними и страх быть обнаруженной. Но девушка их быстро отогнала.

«Это просто совпадение, – подумала она. – Мало ли кто это может быть. Например, один из посетителей Черепа. Тут-да приходит много здоровяков».

Алиса сделала вид, что не заметила ни того мужчину, ни вероятности того, что он мог следить за ней, отвернулась, а потом и вовсе забыла о нем. Забыла до того момента, пока вновь не увидела его за спиной Анхеля. Не в прямом, конечно, смысле. Но рядом. Ближе, чем он был до этого.

«Значит, все-таки не совпадение», – рассуждала она теперь, маневрируя между людьми.

– Алиса!

Это был Анхель. Должно быть, ее поведение могло показаться ему странным. Должно быть, он хотел поговорить. Должно быть, Алисе необходимо было с ним объясниться. Но она этого не хотела. Чего она хотела, так это уйти подальше от этого места. Поэтому девушка шла вперед, то и дело уворачиваясь от тромбонов, выдвижные части которых так и норовили сбить ее с ног. Да еще и чертова маска на лице лишь мешала, но только с ней у нее был шанс остаться не узнанной и затеряться в этой толпе. А там и до Черепа будет рукой подать. А потом спрятаться и плакать.

«Главное не останавливаться!» – думала она.

Но именно тогда Анхель, до того крепко державший ее за руку, остановился, потянув ее на себя.

– Что случилось? – выглядел он взволновано и немного нервно. – Почему мне кажется, что мы от кого-то убегаем?

«Боюсь, малыш, тебе не кажется».

– Не говори ерунды. Я просто хочу веселиться. Вот и все. Ты же сам мне это предложил, – как можно более расслабленно ответила Алиса, думая при этом, что на самом деле, Анхель ей не очень-то и нужен. Оставить его тут, а самой бежать было бы гораздо проще. – Пойдем, стоя на месте, мы только мешаемся.

Алиса протянула ему руку, но парень как будто сомневался и не спешил протягивать свою.

«Что за детский сад?» – злилась девушка.

Желание бросить его одного посреди улицы росло с каждой секундой.

Она мельком пробежалась по людям вокруг. Вполне возможно, что тот человек мог идти за ними.

«А что, если он не один?».

Анхель как прежде стоял истуканом. От злости у Алисы свело скулы. Она собиралась накричать на него, когда кто-то рядом с ними неожиданно поджог дымовую шашку. Понесся стук барабанов и чье-то пение. Очень быстро все пространство вокруг заволочло смесью фиолетового дыма, из которого ринулась очередная порция людей. Парад вновь стал похож на бурную реку. Кто-то толкнул Алису, а кто-то наступил на ногу. Люди напирали, сталкивались с ней и отдаляли все дальше от Анхеля.

Это был ее шанс, чтобы сбежать.

– Анхель, встретимся в Черепе! – крикнула она и, развернувшись, поддалась течению.

Ей оставалось лишь надеяться, что он ее услышал. В конце концов, они могут встретиться и раньше. Короткий путь от площади, где они смотрели парад, до Черепа был один. И, если Анхелю не захочется навернуть лишний кружок перед сменой, то он пойдет следом за ней.

Пройдя еще с сотню метров с толпой, Алиса выгадала нужный момент и выбралась из потока человеческих скелетов. Свернув направо и оказавшись на узкой улочке, ведущей вниз к Черепу, она остановилась, сняла маску и обернулась.

«Ни Анхеля, ни преследователя».

Облегченно выдохнув, девушка продолжила движение вперед. Ей хотелось пить. Хотя и выпить бы она не отказалась. Ее тело еле двигалось, а ноги были словно ватные. Но страх отступил. Она вновь могла дышать. И мыслить здраво. Тем более теперь, когда алкоголь был вытеснен адреналином. Алиса еще раз прокрутила у себя в голове события на той злосчастной веранде и не поняла, чего так испугалась. Какова вероятность, что тот мужик следил за ней? Она усмехнулась. Никогда прежде никто не искал ее. Они знали, что рано или поздно, она сама найдет их и вернется. Собственно, так оно и было.

«Вряд ли сейчас для них что-то изменилось. Для *нее* что-

то изменилось».

Поднявшийся легкий ветер, принес с собой вечернюю прохладу. Небо затянулось кучевыми облаками, сквозь которые выглядывала растущая желтая луна, а тишину осеннего позднего вечера нарушал лишь редкий шум убывающего парада, да писк летучих мышей, пикирующих от дома к дому.

Алиса прошла половину своего пути. Белая маска была все еще у нее и казалась невероятно тяжелой. Девушка покрутила ее в своих руках.

«Что же с ней делать?».

Надевать желанья не было. А нести в Череп не хотелось. Решение само собой пришло на ум. Возможно, Анхель обидится, когда узнает, что она ее потеряла. Но он и так, скорее всего, уже затаил на нее обиду. И правильно сделал.

– Я вела себя как круглая дура... – обратилась она к маске. – А ты даже не попыталась меня остановить, Калавера Катрина. Что только с тобой не так? – девушка всмотрелась в ее зияющие пустотой глазницы, но не выдержала и отвела взгляд. Странно, но эта маска заставляла ее нервничать. – Что со мной не так? Я должно быть окончательно сошла с ума, раз разговариваю с тобой.

Выдохнув Алиса, переступила через бордюр и подошла к ближайшему дому. Его окна были глубоко вдавлены в стены, из-за чего казались похожими на огромные разинутые рты, застывшими в беззвучном крике. Встав рядом с одним из окон, она положила маску на его широкий подоконник,

потому что выкинуть ее в урну так и не решилась.

– Прощай, подруга, – Алиса, развернувшись на каблуках, махнула рукой и зашагала в сторону Черепа.

Звуки парада окончательно стихли, и обезлюдевшая улица погрузилась в тишину. Алиса не возражала остаться одной, наедине со своими мыслями. В последнее время она вновь начала чувствовать усталость, которую нередко ощущала дома и из-за которой в итоге пустилась в бега. В какой-то момент ее жизнь вдруг стала слишком тесной по причине нахождения в ней огромного числа посторонних людей, постоянно требующих для себя внимания. Вокруг нее стало слишком много шума. А ей всего-то и хотелось – иногда побыть наедине с собой. И, кажется, все вновь повторяется. Сначала Ирма, теперь Анхель. Они перекрывали ей кислород.

«Наверное, поэтому это происходит со мной: мерещиться то, чего нет. Наверное, это мой предел».

От этой мысли ей стало тоскливо. Ведь получается, что побег не имеет смысла. Куда бы она не пошла, ей не удастся уйти от самой себя.

Со спины послышались шаги. Сначала медленные, а потом быстрые. Словно кто-то бежал к ней. Послушался удар чего-то о брусчатку. Алиса непроизвольно обернулась и тут же остановилась. Позади никого не было. Зато маска, которую она оставила на подоконнике, теперь лежала на тротуаре. Девушка сделала глубокий вдох и зашлась кашлем от ед-

кого цветочного аромата, ударившего в нос. Ее передернуло, а пальцы рук свело судорогой. Сердцебиение гулом отозвалось в голове.

«Неужели опять?».

Сжав руки в кулак, девушка развернулась и, ускорившись, пошла вперед. Сзади опять слышались шаги. И что-то еще.

Шелест платья?!

Нет. Вряд ли. Разве это возможно?

Алиса хотела обернуться, но силой воли остановила себя. Это все ей только кажется! Нельзя идти на поводу у собственных фантазий! Она слышит лишь эхо своих шагов и шелест своего собственного платья. Не более того. Так решила Алиса.

«А запах цветов?».

Череп был близко. Буквально за поворотом. Но этот вопрос сломил ее уверенность. Не останавливаясь, она обернулась, но тут же споткнулась и, не заметив несколько ступенек под ногами, плашмя пролетела вперед. Как и ранее утром, лишь на секунду, но ей показалось, что она увидела бледную женщину в белом платье. Но обдумать это, как следует, ей не удалось. Ее колени первыми встретились с брусчаткой, заставив завывать от боли.

Шаги за спиной стали громче. Кто бы это не был, он направлялся к ней.

Мысли вихрем закружили в ее голове. Что ей делать? Бе-

жать? Успеет ли она встать на ноги? Вряд ли. Тело одеревенело от страха. Ее мутило.

Тем временем шаги стихли. Послышалось чужое сопение. Девушка зажмурилась, страшась увидеть своего преследователя.

– Элис, – знакомый басовитый мужской голос эхом разнесся по тихой улице, – ты в порядке?

По телу пробежала наэлектризованная волна. Страх отступил и тело обмякло. Она открыла глаза и увидела перед собой черные лакированные остроносые ботинки и низ черных брюк. Ее нос уловил тонкие нотки смеси бергамота, корицы, сандала и ванили.

«Не может быть».

Мужчина сел на корточки и ее сомнения развеялись. Тогда на веранде ей не показалось, и за ней действительно велась слежка. Теперь она злилась.

– Питер! – Алиса, кряхтя, села на колени. – Какого черта ты делаешь? – она сильно стукнула стертými руками по коленям и поморщилась от последующей за этим боли.

– Осторожнее, – произнес он, как ни в чем не бывало, и это разозлило ее еще сильнее.

– Отвали, – отмахнулась Алиса, поднимаясь на ноги.

Питер поднялся вслед за ней. Теперь она могла получше разглядеть его лицо, которое почти не изменилось с их последней встречи. Оно было таким же большим, круглым, лысым и чрезвычайно хмурым. Питер Томас работал у ее от-

чима начальником охраны и был обязан (в том числе) создавать ужасающее впечатление на всякого, кто посмеет приблизиться к его работодателю. Что он с легкостью и делал. Первое время после их знакомства Алиса даже обходила Питера стороной и старалась избегать зрительного контакта. Мало ли что могло его взбесить. Так она думала, наслушавшись разных рассказней о его прошлом, где фигурировали Война в Персидском заливе, спецслужбы, наркокартели и горы трупов. Но по прошествии ряда событий, в которых Питер проявил себя, как верный и заботливый друг, Алиса поняла, что ошибалась. Он стал для нее важной и ценной константой. Хрупкое равновесие ее жизни опиралось в основном на него. Поэтому сейчас, глядя в эти знакомые голубые глаза, ставшие чуть бледнее, чем она помнила, но в которых все еще теплился огонек заботы, девушка не могла продолжать злиться на своего старого друга.

– Знаешь ли, это было грубо, – мягче произнесла Алиса, разглядывая свои руки. – Твой сталкинг. Ты же без зазрения совести пялился на меня! А потом преследовал, заставив думать о всяком. Что сказала бы твоя жена, узнай о твоём поведении?

– Не приплетай сюда Кэтрин. И да, прости, но ты не оставила мне выбора, когда проигнорировала все мои звонки и сообщение. Я решил, что проще будет встретиться с тобой лично. Извини, если напугал тебя там, на веранде.

– Да ладно, – на секунду Алиса задумалась. – Значит, это

был ты? – удивилась девушка. – Звонил и прислал сообщение. Я думала, это была... – ее голос дрогнул, она сглотнула и продолжила: – мама.

И без того серьезное лицо мужчины стало еще серьезнее. Оно словно потеряло краски, а кожа стала похожа на бетон. Алиса заметила это и от этого ей стало не по себе.

– Собственно поэтому я и искал тебя, – спокойно ответил мужчина, чем еще больше насторожил Алису.

– Что-то случилось дома? – Алиса вздрогнула. «Нет». – Что-то случилось с ней?

Конечно, что-то случилось. Иначе, зачем еще Джону отправлять его найти ее?

– Боюсь, что да. Мне очень жаль, но ты должна вернуться домой.

Девушка отшатнулась от него. Неприятное удушающее чувство сковало горло.

«Нет».

– Твоя мама, Элис, Миссис Каргилл..., – и тут его налитый сталью голос дал слабину. – В общем, она умерла, – кратко закончил Питер, опустив глаза в землю.

Алиса непроизвольно набрала полную грудь воздуха. В нос опять ударил неприятный цветочный аромат.

ГЛАВА 3. ПТИЦЫ

Из интервью Анны Павловой Variety: «В «Натали» вы не найдете ответов. Мы нарочно оборвали историю на полуслове, не желая спекулировать на различных домыслах о причастности супруга к трагедии. Натали в конце фильма все так же полна энергии и веры в светлое будущее. Даже, когда перед финальными титрами она заходит на борт яхты с улыбкой на лице. Только зритель знает, что за линией горизонта героиню ждет трагедия. Для нее же самой это приятное приключение. Не более того. В таком подходе к повествованию истории есть свой шарм.

Только в книгах умные детективы высказывают вдохновенные догадки, которые с невероятной точностью оказываются правдой. В жизни, к сожалению, все не так однозначно. Правда часто разбита на множество осколков, и собрать их вместе не всегда легко. Всех ответов никогда не получишь».

Воспоминания лживы.

И это всегда казалось Алисе странным. Мозг без особых проблем запоминает комбинации чисел и слов, факты, цвета и формы, но как только дело доходит до событий, то с ним происходит какой-то сбой: у слов теряются окончания, предметы меняют форму и цвет, а некоторые люди просто удаляются из памяти, как ненужный хлам. Мозг многое упро-

щает, запоминая. Но за этим упрощением скрывается искажение правды, которое в конечном счете влияет на наше отношение к окружающим. Получается, что люди заложники собственного мозга и его субъективных предпочтений в восприятии реальности.

Алиса часто думала об этом, когда пыталась разобраться в своем отношении к матери. Кто знает, как бы сложилась их жизнь, воспринимай она ее иначе.

У нее почти не осталось воспоминаний из своего детства, и еще меньше осталось воспоминаний, в которых бы фигурировала ее мать. А все потому, что первые пять лет своей жизни она провела на попечении своих бабушки и дедушки. Анна Павлова же в это время безуспешно покоряла итальянские подиумы. И пусть девушка сама не помнила этого наверняка, ее мозг настойчиво утверждал, что так оно и было, выдавая лишь одно воспоминание о матери из того пятилетнего периода. Она помнила, как, находясь в болезненном бреду, попросила корочку свежего хлеба, а тем человеком, который исполнил ее желание, была мама. Алиса не до конца была уверена в его правдивости, но почему-то так никогда и не спросила у родных, как было на самом деле. Наверное, боялась узнать, что всю жизнь находилась в заблуждении. Сама для себя она рассуждала так: если мозг это помнит, значит, так оно и есть? Но тогда получается, что все это время она ошибалась, и мать была рядом с ней? Но вдруг это лишь бредовые фантазии, вызванные болезнью? Сон, при-

нимаемый за желаемое? Вот такое странное одновременно четкое и размытое воспоминание было основанием ее отношения к матери. Впрочем, чего стоит ожидать, если вся их семья— это такое же странное одновременно четкое и размытое воспоминание.

— Как ты? — Питер осторожно дотронулся до плеча, чем заставил ее повернуться.

Оказывается, все это время он сидел рядом с ней.

«А я и не заметила».

От взгляда бледных глаз, полных сочувствия, ей стало не по себе. Комок воздуха застрял в горле.

«Он смотрит так, словно знает...».

Знает о том, что она не горюет, не оплакивает свою несчастную мать так, как должна бы оплакивать любящая дочь.

— В порядке, — произнесла девушка, выдыхая. — Насколько это, конечно, возможно.

— Если вдруг захочешь, поговорить, поделиться...

«Не захочу».

— ...то ты знаешь, я всегда рядом, — Питер сжал губы и попытался улыбнуться. Получилось у него не очень.

Девушка угукнула в ответ и отвернулась к иллюминатору.

С того момента, как он сообщил ей эту новость, Алиса практически не проронила ни слова. Ни когда вернулась в Череп за своими вещами, ни позже, когда заняла место в частном самолете отчима. Лишь молчаливо созерцала про-

плывающие за окном облака, предаваясь воспоминаниям о своей матери. Должно быть, охранника беспокоило ее молчание.

Анна Павлова мертва.

Странно, но Алиса поверила в это сразу же, как услышала. И ведь даже на секунду не усомнилась, что это может быть ложью с целью вернуть ее домой.

Новость о смерти близкого человека сродни глыбе, нет лавине, что погребает под собой любого, кому тот был дорог. Алиса всегда считала, что услышать подобную весть все равно, что пустить себе пулю в висок. Когда умирает твой близкий, считала она, то умираешь и ты. Но вот умерла ее мать, а Алиса осталась жива. Смерть Анны не стала для нее ударом. Наоборот, она словно бы всегда ждала этого и, услышав, конечно не обрадовалась, но внутренне успокоилась.

Отношения с матерью не всегда были сложными, хотя и имели все основания быть таковыми. Ведь Анна вырвала Алису из привычной для нее среды, когда забрала с собой в Америку. И пусть она несомненно любила дочь и делала многое, чтобы завоевать доверие девочки, проводя с ней все свое свободное время, их семье не суждено было стать нормальной. Карьера матери неизбежно стремилась к своей вершине. Деловые завтраки, гламурные вечеринки, кастинги и съемки постепенно вытеснили из ее жизни время, которое раньше она проводила с дочерью. Жизнь Алисы наполнилась одинокими буднями в компании разношерстных бебиситте-

ров, ставших для нее проводниками в американскую культуру. Бывало даже так, что она не виделась с матерью днями, потому что их графики не совпадали. Анна не успела моргнуть и глазом, как Алиса, которую тяготила известность матери, отдалилась от нее. Они стали чужими друг другу, но Анна до последнего не могла смириться с этим и продолжала вмешиваться в жизнь дочери. Зачастую насильно.

«Но теперь ее нет».

– Значит, это просто случайность? – тихо спросила девушка.

– Что прости? – подал голос Питер, успевший отвлечься на свой телефон.

– То, что случилось с матерью. Ты сказал, она выпала из окна. Это была простая случайность? – настойчивее спросила Алиса.

– Таково мнение судмедэксперта. И семьи, – мужчина отложил телефон, сосредоточив свое внимание на девушке.

«Семьи. Конечно».

– Это подтверждается показаниями очевидцев. Ее видели сидящей на подоконнике за несколько минут до падения. Окно было распахнуто. Последнее время миссис Каргилл жаловалась на частые мигрени. Возможно, ей стало плохо, и она не удержала равновесия. Или это случилось по какой-то еще причине. Можно строить сколько угодно догадок, почему произошло то, что произошло. Но могу тебя заверить в одном: это не было суицидом. Она бы ни за что на свете не

поступила так с тобой, Элис, – Питер многозначительно посмотрел на девушку, отечески положив свою руку на ее.

Алиса хотела возразить, что он неправильно понял, что она имела ввиду совсем другое, но осеклась. Все он понял правильно. Ей было трудно поверить в это по разным причинам. Во-первых, смерть по глупой случайности совсем не к лицу великой Анне Павловой. В этом нет театральной трагедии, достойной ее таланта. А во-вторых, в глубине души Алисы, в самом темном уголке, затаилось злое желание знать, что мать сделала это из-за нее. Девушка боялась себе в этом признаться, но ей хотелось думать, что все это время Анна чувствовала вину за собой перед дочерью, чувствовала тяжесть ответственности за загубленное детство маленькой девочки. Алисе хотелось думать, что именно это в итоге и сломало негибаемую и сильную Анну, которой она привыкла представлять перед публикой.

– Да, ты прав, она бы так никогда не поступила.

На минуту они оба замолчали.

– А если это не было простой случайностью? – задумчиво произнесла Алиса.

Питер развернулся и вопросительно посмотрел на нее.

– Что если это было убийство?

– Бога ради, Элис! – воскликнул мужчина. – Откуда такие мысли? Как ты себе это представляешь?

– Если честно, очень живо. Ее могли столкнуть, – девушка аккуратно вытащила свою руку из-под его и выгнулась, как

струна.

– И кто по-твоему мог это сделать?

– Тот, кто видел ее последней? Ты говорил о каких-то очевидцах. Кто это был?

– Мистер Каргилл, – Питер сделал паузу, позволив Алисе обдумать сказанное. – Ты думаешь, виновен он?

– Конечно нет.

– Теперь понимаешь, почему эта версия несостоятельна? Хотя, не скрою, следователи рассматривали ее и даже допросили девушку из прислуги...

– Что еще за девушка из прислуги? – Алиса резко прервала собеседника.

– Обычная такая девушка из нанятой прислуги. Если помнишь Джон и Анна готовились отмечать годовщину свадьбы.

– Ты мне о ней до этого не рассказывал, – в голосе Алисы отчетливо прозвучало сомнение.

– Ну, прости, – замялся Питер. – Да, была еще эта девушка. Она приходила что-то уточнить у миссис Каргилл, пробыла у нее чуть больше минуты и ушла. Пойми, если бы кто-то захотел столкнуть твою мать, то об этом услышал бы весь дом. Анна без боя бы не сдалась.

– Да, наверное, ты прав. Не знаю, что на меня нашло. Просто то, что случилось с ней..., – Алисе не хватило воздуха, чтобы закончить. – Почему она вообще забралась на то окно? Захотелось посмотреть на вечерний закат? Анна никогда не отличалась особым романтизмом.

– Она курила. – Слова Питера заставили девушку замолкнуть. – Вот почему она сидела на подоконнике. В тот день миссис Каргилл вновь закурила. Сигарету ей дала та самая девушка из прислуги.

Алиса удивлено вскинула брови. Ее мать бросила эту пагубную привычку больше десяти лет назад. Джон всегда был против ее пристрастия к табаку, но все его возражения ограничивались мягким настаиванием и проповедями о вреде курения. Но все же этого хватило, и Анна завязала спустя несколько лет после их свадьбы.

– Мама не курила много лет. Что такого должно было случиться, чтобы она вновь взялась за старое?

– Вряд ли что-то серьезное, – попытался успокоить ее мужчина. – Думаю, дело в обычном стрессе. Последние несколько месяцев выдались тяжелыми. Миссис Каргилл снималась в новом фильме, готовилась к своему юбилею и годовщине свадьбы, волновалась за свою дочь, которая игнорировала все ее попытки сблизиться...

– Ну, конечно. Это я во всем виновата, – устало выдохнула Алиса.

– Я этого не говорил, – мягко произнес Питер. – Лишь сказал, что она волновалась о своей дочери. Мама очень любила тебя.

– Знаю, – сглотнув, ответила Алиса. – Но она была весьма деспотична в этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.